

РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПРАГЕ (1925–1945)

О деятельности исторического общества, основанного в 1925 г. в Праге русскими учеными-эмигрантами и просуществовавшего до 1945 г., известно немного. В научной литературе ему до настоящего времени было уделено небольшое внимание¹. Но на это, видимо, есть объективные причины. Архив Русского исторического общества, в отличие от документальных собраний некоторых других эмигрантских научных организаций, не сохранился. Связанные с обществом материалы разбросаны ныне по различным архивам России и Чехии.

Мысль о создании в Праге профессионального объединения историков-эмигрантов возникла еще в начале 1920-х гг. Такая организация должна была продолжать традиции русской университетской науки, объединять русских историков и посылно создавать им благоприятные условия для работы². В марте 1922 г. 22 русских исследователя высказали предложение о создании организации историков при Правлении Союза русских академических организаций за границей. Эта идея уже скоро получила свое воплощение. В мае–июне 1923 г. группа эмигрантов из 15 человек, включая В.А. Францева, П.Б. Струве, Н.П. Кондакова, Н.Л. Окунева, А.В. Флоровского, начала регулярно собираться на заседания, посвященные историческим вопросам³. Эти собрания и послужили прообразом будущего сообщества русских историков-эмигрантов.

Подобные научные общества являлись привычной формой организации исследовательской жизни еще с дореволюционных времен. В 1845 г. было образовано Русское географическое общество, в 1846 г. – Русское археологическое общество, в 1866 г. – Императорское Русское историческое общество и Русское техническое общество, в 1878 г. – Русское физико-химическое общество, в 1888 г. – Русское антропологическое общество и др. Большинство из них прекратило свое существование после революции 1917 г. Закономерно, что формы организации научного быта в эмигрантской среде были теми же, что и в России. Академическая диаспора ориентировалась на дореволюционные научные традиции и считала своим долгом сохранять их на чужбине вплоть до возвращения на родину. Однако пражское общество русских историков никогда не претендовало на организационную преемственность с дореволюционным Русским историческим обществом⁴. Малоубедительна и не подтверждена документально и версия Я.В. Боже о том, что Русская академическая группа в Италии, возникшая в марте 1921 г. при непосредственном участии члена-корреспондента Российской Академии наук Е.Ф. Шмурло, «была одним из прямых предшественников Русского исторического общества в Праге»⁵.

Объединение русских историков, возникшее в 1925 г. в чешской столице, включало в себя широкий круг ученых-гуманитариев. Его членами были специалисты в области как отечественной, так и всеобщей истории, а также историки искусства, права, литературы, философии. В.Т. Пашуто утверждал, что столь пестрый состав был предопределен скудостью русских научных кадров за рубежом⁶. Но вряд ли можно безоговорочно принять это суждение. Советский историк, к сожалению, не учел особого умоностроения российской эмиграции, в особенности ее интеллектуальной части. Проблема сохранения исторической памяти и национальной идентичности была для диаспоры одной из животрепещущих. Не случайно члены Общества считали своей целью «вызвать и поддержать в русской эмигрантской среде живой интерес к научному изучению своего прошлого»⁷. Столь сложные задачи требовали координации усилий всего гуманитарного сообщества, а не одних лишь специалистов в области российской истории.

* Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета.

В марте 1925 г. в Праге прошли подготовительные заседания новой научной организации. Первое собрание состоялось 17 марта в квартире Шмурло. На нем было решено созвать в начале апреля собрание учредителей Общества и официально объявить о его открытии. На первых собраниях были рассмотрены заявки кандидатов в члены Общества, обсуждены возможности печатания протоколов заседаний, поставлены основные организационные вопросы (о членских взносах, порядке заседаний и т.д.)⁸. Были оговорены даже самые мелкие детали. Так, по предложению Шмурло было решено не допускать аплодисментов на научных заседаниях «для сохранения объективно-научного тона заседаний»⁹. В письмах к А.В. Флоровскому С.Г. Пушкирев сообщал о подготовке торжественного открытия Общества. При его участии составлялся список гостей (епископ Сергий, К. Крамарж, К. Кадлец, Л. Нидерле, Б. Немец и др.) и рассылались приглашения, определялся круг первых докладчиков¹⁰.

В марте–апреле 1925 г. Общество приняло в свои ряды первых членов: С.В. Завадского, П.М. Бицилли, Ф.В. Тарановского, С.Л. Волкобруна, И.В. Емельянова, Н.С. Жекулина, А.Н. Фатеева, В.А. Косинского, И.И. Маркова, А.П. Калитинского, С.Я. Эфрона, Е.Н. Клетнову и др. 7 апреля 1925 г. в помещении Минералогического института Карлова университета открылось первое публичное заседание¹¹. По предложению Е.Ф. Шмурло оно было посвящено памяти Петра Великого. После вступительного слова, произнесенного самим историком, был заслушан доклад бывшего ректора Киевского университета профессора Е.В. Спекторского «Политические заветы Петра Великого»¹².

Устав Общества был принят на собрании 7 апреля 1925 г. и утвержден правлением Союза русских академических организаций за границей. Под ним поставили свои подписи 22 человека (Н.Н. Алеников, Д.Н. Вергун, Г.В. Вернадский, Б.А. Евреинов, К.И. Зайцев, А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, Е.Ф. Максимович, В.А. Мякотин, Н.Л. Окунев, П.А. Остроухов, И.О. Панас, С.Г. Пушкирев, П.Н. Савицкий, В.В. Саханев, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве, А.В. и Г.В. Флоровские, В.А. Францев, М.В. Шахматов, Е.Ф. Шмурло)¹³. Своей задачей Общество поставило «разработку и освещение вопросов исторической науки, т.е. посильное изучение русского прошлого по всем видам и проявлениям его духовной жизни, не замыкаясь, впрочем, в рамках одной только народности, особенно когда дело касается прошлых судеб славянского мира вообще»¹⁴. Деятельность Общества, согласно его уставу 1925 г., выражалась в организации научных собраний, обработке библиографических материалов по истории, выполнении коллективных исследовательских проектов и выпуске научных изданий. Членами-учредителями Общества считались лица, подписавшие устав. Действительных членов и членов-сотрудников избирали на общем собрании закрытым голосованием по рекомендации двух членов. Почетные члены избирались по предложению Правления на общем собрании при условии участия в заседании не менее половины действительных членов. Деятельностью Русского исторического общества руководили общее собрание и правление (председатель, товарищ председателя, 2 секретаря). Общее собрание состояло из членов-учредителей, почетных и действительных членов. На годичном собрании избирались члены правления, заслушивался и утверждался годовой отчет, устанавливался размер членского взноса¹⁵. В первый состав правления вошли Шмурло (председатель), А.В. Флоровский (товарищ председателя), В.В. Саханев и С.Г. Пушкирев (секретари), очень много сделавшие для координации работы русских историков в Праге.

Для Общества были характерны фиксированный состав членов, регулярность собраний и отчетов, публикация результатов работы. Оно было не только научной организацией, но выполняло также функции профессионального объединения ученых, наряду с существовавшими в Чехословакии Союдами русских писателей, инженеров, юристов, врачей и т.д. Численность Общества быстро росла, и уже к 23 апреля 1926 г. в нем состояло помимо 22 членов-учредителей 24 действительных члена, 5 членов-сотрудников и 1 почетный член¹⁶. Не имея собственного помещения, Общество проводило заседания в Русском народном университете, объединении «Русский очаг»,

Славянском институте, кафе «Славия», в квартирах своих членов. Собрания обычно проходили 2 раза в месяц с октября по июнь. Заседания Общества по характеру могли быть публичными и закрытыми¹⁷, по периодичности – очередными, годовыми и торжественными. Как правило, на них заслушивались 1–2 сообщения, которые затем оживленно обсуждались. К сожалению, в полном объеме установить количество прочитанных в Обществе докладов за все время его существования и их тематику невозможно. Известно, что с 7 апреля 1925 г. по 1 января 1934 г. был заслушан 171 доклад. Пик работы Общества пришелся на 1927 г., когда на заседаниях с октября по июнь было представлено более 30 докладов¹⁸.

Авторы сообщений заранее предоставляли тезисы своих выступлений для знакомства с ними всех членов Общества. На заседании 14 апреля 1925 г. был поднят вопрос о печатании научных трудов членов Общества и отчетов о его работе. Участники собрания прекрасно понимали, что на публикацию полноценного научного сборника вряд ли найдутся средства, поэтому было решено издавать доклады и прения в сокращенном виде. По расчетам секретаря В. В. Саханева, на издание первого выпуска протоколов необходимо было 350 крон. 100 крон предполагалось выделить из вступительных взносов, 150 покрыть за счет подписки, установив цену издания в 5 крон, а для сбора остальных средств решено было устроить публичную лекцию¹⁹. Однако первый том «Записок» вышел в свет только в 1927 г., от идеи же печатания протоколов заседаний пришлось вообще отказаться²⁰.

Русское историческое общество в Праге не было массовой организацией. В период расцвета своей деятельности число его членов не превышало 60 человек. Оно объединяло, главным образом, русских исследователей в пределах Чехословакии. Тем не менее в его ряды входили некоторые русские ученые из Франции, Германии, Югославии, Болгарии и США, в том числе П.Н. Милюков, П.М. Бицилли, А.М. Петрункевич, Ф.В. Тарановский и др.²¹ В Обществе состояли не только маститые историки, такие как П.Б. Струве, Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, В.А. Францев, но и представители молодого поколения, сформировавшиеся как исследователи уже за рубежом. Открытость для молодежи была важным способом передачи научных традиций.

Общество было тесно связано с чешским интеллектуальным окружением. Большую помощь при его организации оказал чешский историк Я. Славик. На подготовительном заседании 27 марта 1925 г. Шмурло и А.В. Флоровский предложили принять в Общество видных чехословацких ученых²². Среди них были Я. Бидло, В. Бирнбаум, Б. Грозный, К. Хитил, К. Кадлец, М. Мурко, З. Неядлы, Л. Нидерле, Й. Шуста, Й. Поливка, Ф. Пекарж, Ф. Пастернек и др.²³ Приглашение приняли Кадлец, Бидло, Шуста, Славик, Мурко и Нидерле²⁴. Последний в 1925 г. стал почетным членом Русского исторического общества. Его избрание являлось не только свидетельством признания научных заслуг ученого, но и символическим актом выражения признательности Чехословацкой республике со стороны русских изгнанников. Общество стало известно далеко за пределами Праги. В сентябре 1927 г. оно вошло в Федерацию исторических обществ Восточной Европы, что открывало новые возможности для научных контактов²⁵.

Весной 1925 г. были установлены первоначальные ежемесячные взносы (до созыва годового собрания) «согласно категориям содержания, получаемого членами Общества», – в 5, 3 и 2 кроны²⁶. Размер вступительного взноса составлял 15, 10 и 5 кроны²⁷. Но для эмигрантов, чье материальное положение было нестабильным, эти суммы оказались велики. Поэтому уже 7 апреля 1925 г. по предложению Г.В. Вернадского правление решило понизить размер членских взносов. Вступительная плата теперь составляла 10, 7 и 5, а ежемесячные взносы – 3, 2 и 1 крону²⁸. Эти суммы не могли покрыть всех расходов Общества, в особенности сделать регулярным печатание работ. На всем протяжении существования ему постоянно приходилось сталкиваться с проблемой неуплаты взносов. Поэтому без патронажа чехословацких властей русским историкам вряд ли удалось бы организовать столь развитую деятельность. Общество получало финансовую поддержку от спонсоров, в качестве которых высту-

пали и чехословацкие политики, и местные научные учреждения, например, Славянский институт.

Печатным органом Русского исторического общества в Праге были «Записки», в которых печатались тезисы докладов и статьи отдельных авторов. Недостаток материальных средств делал их выход нерегулярным. Поэтому члены Общества стремились опубликовать свои работы в любых других эмигрантских или иностранных изданиях²⁹. Всего из печати вышло 3 тома записок (1927, 1930, 1937). Первый был издан при финансовой поддержке президента Чехословакии Т. Масарика, второй увидел свет благодаря помощи Славянского института, а третий удалось напечатать на средства самих членов Общества³⁰. «Записки» содержат массу интересных работ, заслуживающих внимания современных ученых. Тематика статей охватывает самый широкий круг сюжетов от истории средневекового славянского права до создания Лиги Наций.

Русское историческое общество изначально заявило о неполитическом характере своей деятельности. Оно объединяло историков самых разных идеологических воззрений. И, тем не менее, его заседания не были полностью лишены острой политической полемики. Ярким примером служит дискуссия о декабристах, разгоревшаяся в эмигрантских кругах в период празднования 100-летия их восстания. На заседании в декабре 1925 г. профессор Д.Н. Вергун предложил почтить вставанием память декабристов как борцов с самодержавием и провести в честь них специальное заседание. По воспоминаниям Б.Н. Лосского, озадаченный Шмурло заметил, «что это событие к теме вечера никак не относится, но поскольку эти слова произнесены... встал»³¹. Но его примеру последовали далеко не все. С.Г. Пушкарев, например, вскоре отправил письмо на имя председателя с заявлением «о недопустимости, по его мнению, для научного О[бщест]ва... торжественного почитания (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – М.К.) памяти декабристов»³² и высказался против специального заседания в память декабристов. Тем не менее это заседание все же состоялось³³. Жаркие споры вызвал доклад Кизеветтера «Спорные вопросы в истории декабристов», сделанный 11 января 1926 г. Тот же Пушкарев отметил в связи с ним: «Я не отрицаю личной доблести большинства декабристов и благородства их побуждений, однако политическая роль вождей вооруженного восстания 14 декабря представляется мне отрицательной»³⁴. Их идеалы он называл утопическими и доказывал, что для введения конституционных и парламентских начал в России начала XIX в. еще не созрели необходимые условия. По его представлениям, декабристы выступили первыми «жрецами идола революции», который привел страну к кровавой катастрофе 1917 г.

Русское историческое общество не раз проводило и другие специальные заседания, приуроченные к памятным историческим датам: 200-летию со дня смерти Петра Великого, 100-летию со дня смерти Александра I, 100-летию Л.Н. Толстого, 1000-летию Св. Вацлава, 50-летию русско-турецкой войны за освобождение балканских славян. Последняя юбилейная дата вызвала большой резонанс. Образы героев Шипки и Плевны, генерала М.Д. Скобелева, мечты о славянской взаимности по-прежнему жили в российской исторической памяти. Торжественное заседание в честь этого события прошло 3 мая 1927 г. С докладами выступили Шмурло, Е.Ф. Максимович, Е.В. Спекторский, М.А. Иностранцев, А.В. Флоровский³⁵. В 1930 г. Общество принимало участие в чествовании президента Масарика по случаю его 80-летия. Ежегодно оно участвовало в праздновании дня независимости Чехословакии (28 октября) и «Дня русской культуры» (6 июня). Отдельные памятные заседания посвящались историкам – Н.М. Карамзину, М.М. Богословскому, А.А. Корнилову, П.Г. Виноградову, В.П. Бузескулу, С.М. Соловьеву, С.Ф. Платонову, А.Е. Преснякову, П.А. Лаврову, Ф.И. Успенскому, В.И. Савве, К. Кадлецу и др.

Научные общества русской эмиграции координировали действия ученых-изгнанников, способствовали профессиональному общению, что было особенно важным на фоне конкуренции между ними и национальными кадрами стран пребывания. Но нельзя также игнорировать проявления конкуренции внутри самого эмигрантского научного

сообщества. Показателен в этом плане «председательский кризис» 1933 г. Еще в 1932 г. престарелый и больной Шмурло заявил о сложении с себя полномочий председателя. На посту председателя его сменил Кизеветтер, пользовавшийся глубоким уважением среди эмигрантов не только как блестящий ученый, но и как человек с яркой гражданской позицией. По воспоминаниям современников, он принялся исполнять должность председателя «с трогательной аккуратностью, не щадя своего здоровья»³⁶. Но уже 9 января 1933 г. новый председатель скончался. Эта смерть стала настоящим потрясением для всех русских пражан.

После смерти Кизеветтера встал вопрос о новом руководителе Общества. А.Н. Фатеев, временно исполнявший обязанности председателя, наотрез отказывался дальше осуществлять эти функции. Пост председателя мог занять А.В. Флоровский, однако его кандидатура не устраивала Шмурло и, очевидно, некоторых его коллег; Шмурло «должным образом расценивал ученый вес Флоровского, его знания и способности, но... совсем не верил в его доброжелательность к Обществу и, главное, в его искренность к интересам Общества»³⁷. В результате должность председателя осталась за Фатеевым. Трудно сказать, что заставило его изменить свое мнение и остаться еще на несколько лет во главе союза пражских историков.

В 1930-х гг. работа Общества постепенно шла на спад. В 1931 г. была официально завершена «русская акция» чехословацкого правительства. Мировой экономический кризис осложнял и без того тяжелое материальное положение эмиграции. К тому же научные силы в Праге стремительно таяли. В 1925 г. Прагу покинули Г.В. Флоровский и П.Б. Струве, в 1927 г. – Г.В. Вернадский и Е.В. Спекторский, в 1930 г. – В.А. Мякотин, в 1932 г. – И.И. Лапо, в 1936 г. – К.И. Зайцев, в 1939 г. – Н.П. Толль. Кроме того, сообщество русских историков понесло немало тяжелых утрат: в 1930 г. под колесами автомобиля погиб молодой историк Н.М. Беляев, в 1933 г. скончались Б.А. Евреинов, Кизеветтер и Н.С. Жекулин, а в 1934 г. – сам Шмурло. Председатель Фатеев не смог разрешить кризиса внутри организации. Он был крупным ученым, но, очевидно, не обладал организаторскими и административными талантами Шмурло и Кизеветтера. В 1937 г. он сложил с себя полномочия председателя, его сменил А.В. Флоровский, которому суждено было руководить Обществом в весьма нелегкий период.

К концу 1930-х гг. кризис Общества стал очевиден для всех. В 1939 г. был принят новый Устав, который отражал изменившееся положение организации³⁸. К этому времени в Праге осталась лишь малая группа ученых-гуманитариев. Политическая обстановка в Европе, стоявшей накануне войны, и судьба самой Чехословакии не способствовали научным занятиям. После немецкой оккупации все эмигрантские организации были поставлены под контроль новых властей. В первое время о созыве научных заседаний не велось и речи; всю работу осуществляло правление. Оккупация привела к разрыву научных связей между Прагой и другими центрами Зарубежной России. Прекратилось сотрудничество с Милюковым, который прежде принимал активнейшее участие в жизни Общества и многократно выступал там с докладами, перестал приезжать из Софии П.М. Бицилли.

Председательство Флоровского закончилось в 1939 г. большим скандалом, толчком к которому послужил конфликт между его женой В.А. Флоровской и членом правления Е.Ф. Максимовичем. В семье Флоровских жил домашний заяц, которого бездетная чета очень любила. На время отъездов из Праги Флоровские передавали своего питомца друзьям и коллегам. В августе 1939 г. заяц был передан семье историка Максимовича³⁹. Но после возвращения в Прагу в октябре Флоровская обнаружила своего зайца больным, а вскоре тот умер. Виновницей гибели своего питомца она объявила Е.А. Максимович. Семьи заявили, что прекращают между собой всякие отношения. Более того, Флоровская решила потребовать материальную компенсацию, мотивируя это тем, что ее заяц был дрессированным. Вскоре она случайно встретила на улице свою обидчицу и стала требовать с нее деньги. Произошла публичная женская склока, сопровождавшаяся ругательствами и обвинениями. В тот же вечер в квартиру к Флоровским сно-

ва пришел Максимович, чтобы потребовать извинений. Визит перерос в настоящую потасовку⁴⁰.

Смерть зайца стала началом грандиозного конфликта в среде пражских историков, который назревал в Русском историческом обществе с середины 1930-х гг. Причиной его, вероятно, стала острая научная конкуренция, переходившая порой в банальную зависть. Флоровский был одним из немногих русских историков, сумевших хорошо интегрироваться в чехословацкую научную среду. И хотя его положение не было безоблачным, оно выгодно отличалось от положения его коллег, того же самого Е.Ф. Максимовича, который занимал скромную должность в Русском заграничном историческом архиве. Свообразным катализатором конфликта стало обращение Флоровской к доктору Я. Прокешу, главе Архива Министерства внутренних дел, в состав которого в 1939 г. был включен Русский заграничный исторический архив, с жалобой на поведение Максимовича⁴¹. Этот поступок вызвал закономерное негодование эмигрантов. Противостояние членов Общества приняло угрожающий масштаб, ибо полностью остановило научную работу, которая и без того была осложнена политической обстановкой и плачевным материальным положением. Вскоре Н.Ф. Новожилов и Максимович подали заявления о выходе из состава правления и не явились на очередное заседание 28 декабря 1939 г. Их уход парализовал работу Общества, ибо, согласно уставу, правление могло функционировать лишь при наличии в своем составе 4 членов⁴². Все попытки примирения зашли в тупик.

Для выхода из кризиса было создано специальное совещание, прошедшее 15 марта 1940 г. в кафе «Далиборка». Флоровский выступил с отчетом о работе, назвав положение Общества пустым и печальным. Он видел причины кризисного состояния в «перенесении на почву Общества личных счетов» и стремлении Новожилова «навязать Правлению и председателю свою волю». Он предложил принять резолюцию, осуждающую своих оппонентов. Но аргументы председателя оказались большинству членов малоубедительными. Решено было выбирать нового председателя. После того, как Флоровский и А.Л. Бем сняли свои кандидатуры, при безальтернативном голосовании был избран Е.А. Ляцкий, получивший 10 голосов «за», 3 «против» при 2 воздержавшихся⁴³.

Новый председатель всеми силами пытался нормализовать работу Общества. Стремясь навести порядок в отчетности правление обратилось с просьбой ко всем членам уплатить недоимки по членским взносам. В июне 1940 г. по собственному желанию покинули Общество Я.М. Висковатая и В.А. Францев. За неуплату членских взносов исключены из Общества М.А. Андреева, И.О. Белецкий, З.Г. Васильева-Сочевец, Д.И. Дорошенко, Л. Копецкий, Й. Мысливец, В.Н. Светозарова, Н.Н. Ястребова-Рагозина. При этом решено не исключать из него чешских ученых как «постоянных гостей» Общества. Одновременно Ляцкий предполагал привлечь новых членов. Крупных ученых среди них почти не было, зато в ряды членов он прочил свою молодую жену. Так Общество превращалось из союза профессиональных исследователей в клуб любителей истории. Его научная работа протекала вяло. Одной из причин смещения Флоровского явились упреки за авторитарный стиль правления. Но новый председатель получил в свои руки куда большие полномочия. Распределение обязанностей членов осуществлялось теперь строго по указанию Председателя. Денежные средства Общества должны были храниться в одном месте и использоваться лишь по ордерам за его подписью⁴⁴.

Весной 1940 г. начались переговоры о вхождении Общества в Русский свободный университет при сохранении «научной и организационной индивидуальности и материальной независимости»⁴⁵. В.Т. Пашуто, а вслед за ним и другие авторы констатировали, что 15 марта 1940 г. Общество вошло в состав Русского свободного университета⁴⁶. Однако в протоколе заседания Общества от данного числа нигде не упоминается о слиянии двух организаций. В действительности переговоры о реорганизации начались лишь в апреле 1940 г.⁴⁷ Среди хранящихся в фонде Русского свободного университета Архива Праги документов имеется текст соглашения между Обществом и универси-

тетом, датируемый апрелем 1940 г., подписанный председателем Ляцким и ректором университета В.С. Ильным. Автономный статус Общества был засвидетельствован его правом посылать своего представителя в Кураторий университета, а также финансовой самостоятельностью. Университет обязывался предоставлять Обществу средства «на оплату устраиваемых правлением докладов», безвозмездно выделять помещения и по возможности предоставить помещение для библиотеки и склада⁴⁸. Одной из веских причин для объединения двух русских организаций стала борьба за власть внутри самого эмигрантского научного сообщества. Более сильные и влиятельные учреждения стремились подчинить себе более мелкие. Эти устремления всячески поддерживались немецкими властями. В письме Ильина начальнику Управления по делам русской эмиграции в Германии генералу В.В. Бискупскому от 12 сентября 1940 г. откровенно говорится, что вхождение Русского исторического общества в состав университета завершит объединение в его рамках всех научно-просветительских организаций в Протекторате Чехии и Моравии⁴⁹.

Идея присоединить Общество к университету возникла еще в 1937 г. и уже тогда отдельные историки указывали на опасность такого поглощения. В.В. Саханев в письме Флоровскому указывал на параллелизм в деятельности Общества и Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. Университет стал переманивать докладчиков на свои заседания, в результате чего работа Общества начала сокращаться. В качестве доказательства он приводил статистику докладов на 1937/38 академический год. Из 20 сообщений, обозначенных в планах работы Научно-исследовательского объединения, 15 посвящалось исторической тематике, причем 12 из них должны были сделать члены Общества. Из этих 12 лишь выступление Максимова планировалось в текущем академическом году на заседании самого Общества. Саханев настоятельно рекомендовал Флоровскому поставить вопрос о разграничении сфер деятельности с университетом, иначе следовало бы поставить вопрос о целесообразности дальнейшего существования Общества⁵⁰.

В годы оккупации Русское историческое общество было вынуждено приспособляться к новым административным условиям⁵¹. Но эти изменения никак не отразились на его научной работе, его членам удавалось оставаться в стороне от текущей политики, и поэтому на заседаниях 1940 г. ни одного пронацистского доклада не прозвучало. Ляцкий пытался возобновить печатание трудов членов Общества. Правление вновь поставило вопрос об издании исторического журнала, который поднимался еще в конце 1930-х гг. Вместе с тем шла подготовка сборника трудов, который должен был продолжить традицию трех предыдущих выпусков. На собрании 3 сентября 1940 г. секретарь А.Ф. Изюмов ходатайствовал об использовании нескольких статей из него для будущего исторического журнала. Следовательно, уже к осени 1940 г. четвертый том «Записок Русского исторического общества» в определенной степени был завершен⁵². Желание принять в нем участие высказали видные специалисты – С.Г. Пушкирев, М.В. Шахматов, А.Л. Бем, П.Н. Савицкий и др.

Мысль об историческом журнале не покидала головы русских эмигрантов. В ноябре 1940 г. принято решение издавать труды членов Общества 4 раза в год в виде отдельных выпусков объемом до 4–5 печатных листов по примеру «Записок Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете» и даже выплачивать авторам гонорар в 100 крон за печатный лист. Общество обратилось за материальной поддержкой к Славянскому институту, но получило отказ⁵³. Министерство школ и народного просвещения в феврале 1941 г. выделило на издание трудов Общества 4 950 крон⁵⁴. Но суммы этой было явно недостаточно. В апреле 1941 г. Ляцкий сообщил Обществу, что в первый номер журнала должны войти статьи А.Л. Бема «Пушкинские дни в Праге» и «Граф А.Г. Орлов в Карлсбаде», работа А.В. Камнева «Историческая канва “Слова о полку Игореве”», а также хроника жизни Общества и список кандидатов в его члены⁵⁵. Но вопрос о том, что лучше – большой неперіодический сборник или регулярно выходящий небольшой журнал – так и не был решен. Вероятно, шансов на издание сборника было больше. Ляцкий предлагал назвать его «Исторические чтения»,

Новожилов считал более подходящим название «Историко-литературный сборник». В итоге было решено остановиться на «Записках по истории и литературе».

В.Т. Пашуто обнаружил содержание этого сборника в личном архиве П.А. Остроухова. По планам издателей, помимо упомянутых статей Бема и Камнева в него должны были войти материалы А.Д. Григорьева «Общие имена всех восточных славян», Н.А. Еленева «Образ великой княгини Екатерины Павловны в искусстве», А.Ф. Изюмова «В поисках земель для духовоборов (на основе писем Д.А. Хилкова)», Н.О. Лосского «Нация как органическое единство», Е.Ф. Максимовича «Православное духовенство и пугачевщина», Н.Ф. Новожилова «Пушкин-акционер» и «Записка Пушкина о народном воспитании (написана в 1826 г. по предложению императора)», П.Н. Савицкого «Общие концепции русской истории», А.Н. Фатеева «М.М. Сперанский в оценке русской государственности» и М.В. Шахматова «Из истории национально-государственных идей киевских и московских летописей и Степенной книги»⁵⁶.

Было решено в случае задержки или запрещения «Записок» цензурой заказать матрицы для сохранения текста до благоприятных времен в чешском издательстве «Knihtiska»⁵⁷. В.Т. Пашуто утверждал, что 15 ноября 1941 г. книга была запрещена немецкой цензурой, а сама рукопись безвозвратно потеряна⁵⁸. Однако известно, что в январе 1942 г. издательство «Knihtiska» выставило счет Обществу за печатание его работ – 11 864 кроны. Таких денег у русских ученых не было. После переговоров сумма была уменьшена до 11 300 крон⁵⁹, но и после этого труды Общества не были опубликованы. Вероятно, причиной этого был именно недостаток средств, а не действия цензурных органов.

Научные силы Общества стремительно таяли – в мае 1942 г. в нем состояло 18 членов, т.е. меньше, чем в момент основания⁶⁰. Научная работа увядала, количество содержательных докладов сокращалось. На первое полугодие 1942 г. было назначено лишь 9 выступлений. В июле 1942 г. скончался Ляцкий и 22 ноября 1942 г. последним председателем Общества стал П.А. Остроухов, специалист в области экономической истории России и автор исследований о Нижегородской ярмарке⁶¹. Сохранившаяся статистика докладов за 1943–1945 гг. рисует его попытки оживить научную активность Общества. За это время были сделаны доклады, посвященные крестьянским реформам П.Д. Киселева и К.Д. Кавелину (Пушкарев), Г.А. Потемкину (Фатеев), П.И. Пестелю и его «Русской правде» (Новожилов), пребыванию И.С. Тургенева в Карлсбаде (Бем), 125-летию Санкт-Петербургского университета (Лапшин и Новожилов), «Слову о полку Игореве» (Камнев), нижегородской ярмарке (Остроухов) и т.д.⁶²

В научной литературе бытует мнение, что Русское историческое общество прекратило свое существование в годы немецкой оккупации: либо в 1942 г.⁶³, либо летом 1944 г.⁶⁴, когда германская полиция приостановила деятельность Русской ученой академии (так назывался с 1943 г. Русский свободный университет). Но эта точка зрения ошибочна. Архивные разыскания Е.П. Аксеновой и М.Ю. Досталь показали, что и после 1944 г. старейшая эмигрантская научно-просветительская организация продолжала существовать⁶⁵. Согласно сохранившимся в Архиве РАН протоколам собраний Общества, они проходили в это время в рамках Исторической секции Русской ученой академии. С октября 1944 г. по апрель 1945 г. состоялось 10 заседаний, на которых выступали с докладами Пушкарев, Г.В. Флоровский, Остроухов, причем последний выступал почти на каждом заседании⁶⁶. Окончательно деятельность Общества прекратилась в 1945 г. Последнее собрание, на котором был заслушан доклад Г.В. Флоровского «Из истории русской философской мысли: князь С.Н. Трубецкой» состоялось 22 апреля⁶⁷.

Несмотря на недолгий срок, отведенный Русскому историческому обществу в Праге, и на его печальный конец, нельзя не отметить, что оно выполнило свою задачу и смогло консолидировать русских ученых, оказавшихся на чужбине, способствуя продолжению их научной деятельности. Лучшим памятником Обществу остаются его «Записки», которые не без интереса и пользы для себя могут прочесть и современные ученые.

Примечания

¹ *Сератионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 127–128; *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 201; *Вандалковская М.Г.* Русская эмигрантская историческая наука в Чехословакии // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919–1939)*. Praha, 2001. С. 112; и др. Сведения о деятельности Общества часто грешат неточностями. Например, М. Раев ошибочно утверждал, что одним из председателей Общества был академик В.А. Францев, что печатный орган Общества выходил с 1927 по 1930 г. (на самом деле до 1937 г.). В книге Е. Андреевой и И. Савицкого (*Andreyev C., Savický I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938*. New Haven, 2004), которая является единственной обобщающей монографией о «русской Праге», о Русском историческом обществе не говорится ни слова. Имеется лишь одна обстоятельная статья, специально посвященная его истории, см.: *Сератионова Е.П.* Русское историческое общество в Праге // *Российские ученые-эмигранты в межвоенной Чехословакии: Сборник статей*. М., 2008. С. 119–130.

² Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925–1934. Прага, 1934. С. 4.

³ Во время этих встреч были сделаны доклады Францева («О поездке Й. Добровского и графа Штернберга в Россию в 1792–1793 гг.», П.Б. Струве («Иностранные печатные произведения как источник русской истории и руссоведения»), Н.Л. Окунева («О фресковой живописи XIV в. в сербских храмах») и А.В. Флоровского («О новых исторических журналах, выходящих в России в 1922–1923 гг.»). См.: Отчет о деятельности Русского исторического общества в Праге за время его возникновения до 7 апреля 1927 года // *Записки Русского исторического общества в Праге*. 1927. Кн. 1. С. 6.

⁴ Нельзя согласиться с утверждением руководителей современного Русского исторического общества, созданного в 2005 г. в Москве, будто пражское Общество выступило правопреемником дореволюционного. См. грешащий многочисленными историческими ошибками сайт современного Русского исторического общества: www.russkyimir.ru.

⁵ Этот вывод сделан на основании лишь того, что Е.Ф. Шмурло впоследствии переехал в Чехословакию и стал одним из инициаторов создания союза русских историков в Праге (*Боже Я.В.* «Римские каникулы» Е.Ф. Шмурло // *Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении*. М., 2002. С. 50).

⁶ *Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 54.

⁷ Русское историческое общество в Праге за девять лет существования... С. 5.

⁸ ГА РФ, ф. 5891, оп. 1, д. 253, л. 1; д. 252, л. 5 об.–6.

⁹ Там же, д. 253, л. 4 об.

¹⁰ Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 380, л. 4–5 об.

¹¹ ГА РФ, ф. 5891, оп. 1, д. 254, л. 1.

¹² Там же, д. 253, л. 2 об.; д. 254, л. 1 об.

¹³ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 257, л. 1 об.; *Паушто В.Т.* Указ. соч. С. 54.

¹⁴ Отчет о деятельности Русского исторического общества в Праге за время его возникновения до 7 апреля 1927 года. С. 5.

¹⁵ ГА РФ, ф. 5891, оп. 1, д. 252, л. 2–3.

¹⁶ Там же, д. 254, л. 3 об.

¹⁷ На закрытых заседаниях могли присутствовать члены-учредители, почетные и действительные члены. Члены-сотрудники и лица, не состоящие в Обществе, могли присутствовать на них лишь по приглашению правления.

¹⁸ Русское историческое общество в Праге за девять лет существования... С. 5, 8–16.

¹⁹ ГА РФ, ф. 5891, оп. 1, д. 253, л. 5 об.–6.

²⁰ Шмурло придавал огромное значение печатанию «Записок» Общества. В августе 1927 г. он писал в Италию своему другу дипломату И.А. Персиани: «Удалось – это, думаю, самое главное – наладить издание наших “Записок” и мне, как председателю Общества, это всего радостнее. Удалось раздобыть деньжонок, не Бог весть знает что, но сами понимаете, что выпустить книгу в 10 печатных листов, печатных, не литографированных, на что первоначально мы готовы были идти, – требовались не сотни, а тысячи крон. Теперь книга набирается и, надеюсь, что выйдет к ноябрю» (РГАЛИ, ф. 2294, оп. 1, д. 95, л. 9).

²¹ По данным на 1930 г. в рядах Общества состояли 5 исследователей из Франции, 1 из Германии, 3 из Югославии, 2 из Болгарии и 1 из США (Отчет о деятельности Русского исторического общества в Праге за время с 7 апреля 1927 года по 28 апреля 1930 года // *Записки Русского исторического общества в Праге*. Кн. 2. Прага, 1930. С. 187).

²² ГА РФ, ф. 5891, оп. 1, д. 253, л. 3 об.–4; д. 252, л. 6.

²³ Там же, д. 252, л. 8–8 об.

²⁴ Русское историческое общество в Праге за девять лет существования... С. 7.

²⁵ Literární archiv Památníku národního písemnictví. Pozůstalost Čcheidze. Č.Inv. 533–540, Fédération des Sociétés Historiques de l'Europe Orientale, Varšava – Ruské historické společnosti; ГА РФ, ф. 5891, оп. 1, д. 254, л. 9 об.; Отчет о деятельности Русского исторического общества в Праге за время с 7 апреля 1927 года по 28 апреля 1930 года. С. 188, 192; Русские в Праге. 1918–1928. Прага, 1928. С. 51.

²⁶ Русские интеллектуалы в Чехословакии делились на 3 категории. К первой группе относились штатные профессора российских высших учебных заведений, имевшие научную известность и преподавательский опыт, ко второй принадлежали экстраординарные профессора и приват-доценты, а третья включала молодых ученых, вынужденных прервать научную карьеру из-за революции, Гражданской войны и эмиграции, а также тех, кто готовился к получению ученой степени (Русские в Праге... С. 78–79).

²⁷ ГА РФ, ф. 5891, оп. 1, д. 252, л. 4 об., 6 об.

²⁸ Там же, л. 6 об.

²⁹ Нельзя согласиться с Е.П. Серапионовой, что более половины докладов, заслушанных на заседаниях Русского исторического общества, были опубликованы на страницах его «Записок» (*Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 128). В действительности была напечатана лишь небольшая часть докладов и сообщений. Значительная же часть, очевидно, потеряна безвозвратно.

³⁰ Обзор статей в «Записках» был дан В.Т. Пашуто (*Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 57–60) и Ю.В. Емельяновым. Правда Емельянов почему-то считает, что третий том «Записок» был опубликован благодаря хлопотам Кизеветтера (*Емельянов Ю.В.* История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М., 2008. С. 95–140). Между тем этот историк скончался в 1933 г., т.е. за несколько лет до его выхода.

³¹ *Лосский Б.Н.* В русской Праге (1922–1927) // Минувшее: исторический альманах. Вып. 16. М., 1996. С. 58.

³² ГА РФ, ф. 5891, оп. 1, д. 253, л. 10 об.–11.

³³ См.: *Цепилова В.И.* Историческая наука Русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005. С. 77.

³⁴ ГА РФ, ф. 5891, оп. 1, д. 254, л. 6.

³⁵ Отчет о деятельности Русского исторического общества в Праге за время с 7 апреля 1927 года по 28 апреля 1930 года. С. 188.

³⁶ *Фатеев А.Н.* Два русских историка и два построения русской истории // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская; Нарва, 1937. С. 6.

³⁷ *Саханев В.В.* Последние дни жизни Е.Ф. Шмурло // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. СПб., 2005. С. 289.

³⁸ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 257, л. 2–9.

³⁹ Slovanská knihovna v Praze. Trezor (далее – SK) A.V. Florovskij. T-Flor. Krab. XLII. Konflikt mezi V.A. Florovskou a J.F. Maximovičem. I. Vznik a vývoj konfliktu.

⁴⁰ Об этом конфликте см. подробнее: *Ковалев М.В.* Научный быт русских историков-эмигрантов в Праге в 1920–1930-е годы: историко-антропологическое исследование. Saarbrücken, 2011. С. 202–213; *он же.* Русское историческое общество в Праге в годы Второй мировой войны // Славянский альманах. 2010. М., 2011 (в печати).

⁴¹ SK. A.V. Florovskij. T-Flor. Krab. XLIII. Konflikt mezi V.A. Florovskou a J.F. Maximovičem. II. Ohlas konfliktu v Ruské historické společnosti. Materiály a korespondence.

⁴² Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 258, л. 12; д. 257, л. 4.

⁴³ Там же, д. 258.

⁴⁴ Там же, д. 264, л. 2–3.

⁴⁵ Там же, д. 258, л. 7–8.

⁴⁶ *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 55.

⁴⁷ 1 апреля 1940 г. в письме к Ляцкому Новожилов сообщал: «Завтра, 3 апреля, вечером мы, Александр Филаретович [Изюмов] и я, беседуем с Василием Сергеевичем [Ильиным] о всех вопросах, связанных с переходом Общества в Объединение. Не сомневаюсь, что придем к благополучному концу» (Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 259, л. 1–2).

⁴⁸ Archiv hlavního města Prahy (далее – АНМР), f. Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze, kart. 22. Ruská historická společnost, inv. č. 59.

⁴⁹ Ibid. Inv. č. 62.

⁵⁰ Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 400, л. 38–38 об.

⁵¹ АНМР, f. Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze. Kart. 22. Ruská historická společnost, inv. č. 61.

⁵² Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 264, л. 6.

⁵³ Там же, л. 6, 11, 12, 16.

⁵⁴ АНМР, f. Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze. Kart. 22. Ruská historická společnost, inv. č. 63.

⁵⁵ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 264, л. 20–20 об.

⁵⁶ Пауто В.Т. Указ. соч. С. 56.

⁵⁷ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 264, л. 22.

⁵⁸ См.: Пауто В.Т. Указ. соч. С. 56. См. редакционную правку статьи Максимовича: ОР РГБ, ф. 566, карт. 23, д. 2, л. 1–31. Сейчас эта статья готовится мной к публикации.

⁵⁹ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 264, л. 27 об.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, д. 275, л. 1.

⁶² Пауто В.Т. Указ. соч. С. 56–57; Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 278, л. 1–18.

⁶³ Емельянов Ю.Н. Указ. соч. С. 97.

⁶⁴ Серапионова Е.П. Русское историческое общество в Праге. С. 128.

⁶⁵ Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. Русский свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике*. Прага, 1998/1999. № 2. С. 101.

⁶⁶ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 278, л. 1–3, 7–8, 14–18.

⁶⁷ Там же, л. 18.

© 2011 г. В. Л. ЧЕРНОПЕРОВ*

ГЕРМАНИЯ 1923 ГОДА В ПРЕЛОМЛЕНИИ ИЗДАНИЙ ТЕКСТИЛЬНОЙ СТОЛИЦЫ СССР

С образованием в 1918 г. Иваново-Вознесенской губ. центральным изданием местной большевистской и советской власти стала газета «Рабочий край», ведущая свое начало от первой российской революции¹. В 1920-х гг. под ее руководством выходили также литературно-художественные и статистические журналы «Ткач», «Красный ткач» и «Веселый ткач». В 1923 г. тираж газеты «Рабочий край» составил 12 тыс. экземпляров, из которых почти 6 тыс. читали в Иваново-Вознесенске². Отличительной чертой газеты был литературный уклон, появлению которого способствовал ее редактор А.К. Воронский, в годы Гражданской войны видный местный партийный и советский функционер³. В итоге вокруг издания сформировалось поэтическое объединение⁴, многие участники которого работали в редакции. Кроме местных авторов в «Рабочем крае» и руководимых им изданиях публиковались В. Маяковский, С. Есенин, С. Третьяков, С. Городецкий, а также западноевропейские авторы – М. Бартель, Э. Толлер и др.⁵

«Рабочий край» и губернские журналы откликались на все значимые события международной и внутренней жизни, поэтому они не оставили без внимания и ввод 11 января 1923 г. франко-бельгийских войск в Рурскую обл. – промышленное сердце Германии⁶. Предлогом стало невыполнение немецким правительством репарационных соглашений. С этого дня материалы о Веймарской республике вышли на первые страницы губернских изданий. Еще накануне ввода войск, 6 января, «Рабочий край» предупреждал, что подобная акция чревата новой войной. После ввода войск такие прогнозы, шедшие в русле «Обращения ВЦИК к народам всего мира в связи с оккупацией Францией Рурской области»⁷, только окрепли. Причем главными противниками

* Черноперов Василий Львович, доктор исторических наук, доцент Ивановского государственного университета.